

Посольские дары или дань-откуп? Вопрос о выплатах крымскому хану на русско-турецких мирных переговорах в эпоху Петра Великого

С 1474 по 1685 г. русское правительство отправляло в Крым денежную казну, меха и иные ценности. В начале XVII в. поездки русских послов к крымскому хану были ежегодными, во второй половине века они потеряли регулярный характер. С 1658 по 1680 г. выплаты хану не производились. После заключения Бахчисарайского мирного договора (1681) отправка в Крым денег и ценностей возобновилась и продолжалась до 1685 г.

Для обозначения выплат Крымскому ханству русская сторона как правило использовала слово «поминки». В современной отечественной историографии существует две основные точки зрения на поминки: одни ученые рассматривают их как дань-откуп, а другие как посольские дары.

Анализ отчетов русских дипломатов в Стамбуле и их переписки с Посольским приказом показал, что в 1700–1710-х годах русская сторона на переговорах с османскими министрами для выплат крымскому хану вместо «поминок» использовала такие слова как «дача» или «претензия» (также встречалось «государево жалованье» или «государева казна»). «Поминками» дипломаты называли царские подарки султанам Мустафе II и Ахмеду III. Таким образом, представители Петра I при Высокой Порте применяли разные термины для посольских даров и вынужденных выплат крымскому хану.

В 1700 г. судьбу выплат в Крым посланники Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев обсуждали на встречах не с рейс-эфенди, а с великим драгоманом А. Маврокордато. М.М. Богословский справедливо отнес этот вопрос к категории второстепенных. Петр I отказывался от отправки своих послов в Крым, поскольку намеревался развивать отношения напрямую с османским султаном, а не с его вассалом. Однако царь готов был по-прежнему принимать «с честью» ханских послов. Петр I не отказывался от «дачи» крымскому хану, но провозглашал право самому определять ее размер и время отправки в Крым. «Дача» превращалась из унижительной повинности в вознаграждение хана за добрососедские отношения. Отмена обязательной ежегодной выплаты крымскому хану была зафиксирована в тексте Константинопольского договора 1700 г.

Поражение в русско-турецкой войне (1710–1713) возродило проблему возобновления ежегодных выплат крымскому хану. В июле 1711 г. во время переговоров на р. Прут поставленный в тяжелые условия П.П. Шафиров от имени царя пообещал «погодную дачу», но категорически воспротивился внесению данного обязательства в договор. Пункта об обязательных выплатах крымскому хану нет ни в тексте Прутского (1711), ни Константинопольского (1712) договоров. На переговорах приоритетом для Высокой Порты были другие проблемы (возвращение Азова, вывод русских войск из Польши и т.д.). Интересы крымского хана снова ушли на второй план; османские министры удовлетворялись устными обещаниями «дачи».

В марте 1713 г. крымским ханом стал Каплан-Гирей. Очевидно именно с этим назначением связано усиление давления на русских послов со стороны Высокой Порты. Новый крымский хан более активно, чем его предшественник включился в переговорный процесс. Внесением в повестку дня переговоров в Адрианополе обсуждение «крымских претензий», османское правительство продемонстрировало Каплан-Гирею свое расположение и поддержку. П.П. Шафирову уже не удалось как прежде ограничиться только устным обещанием. В Адрианопольском договоре 1713 г. появилась статья о «крымской даче». Статья не содержала прямых обязательств России продолжить практику ежегодных выплат крымскому хану (прописан перенос переговоров по этому вопросу на неопределенное время); они не были возобновлены. Включение данной статьи в русско-турецкий договор создавало представление о том, что Порта защищает интересы своего вассала, и позволяла сохранять политическое равновесие в империи.

Петр I воспринял упоминание о крымских выплатах в русско-турецком мирном договоре как удар по престижу Российского государства. Спустя несколько лет перед посланником А.И. Дашковым поставили задачу или убрать статью о «претензии крымской», или внести ее в новый трактат в редакции Константинопольского договора 1700 г. Однако усилия А.И. Дашкова не увенчались успехом: в Константинопольский договор о вечном мире 1720 г. статья вошла в такой же формулировке, как в Адрианопольский договор 1713 г.

Начало церковной реформы Петра I

Начало противоречий по социально-экономическим вопросам между Русской православной церковью и государством относится к 1503 г., когда Иван III на соборе предложил «у всех владык, и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити». Это и другие сообщения источников стали предметом дискуссии о том, почему в России в XVI в. не произошла секуляризация, как в Германских землях, Швейцарии, Швеции, Дании, Норвегии, Англии и Шотландии.

В течение XVI–XVIII вв. светская власть совершенствовала инструменты контроля за церковно-монастырской собственностью, постепенно ограничивая финансово-экономический потенциал Церкви. Составление описей строений и имущества (отписные, описные, переписные книги), стало одним из способов отслеживания имущественного положения церквей, монастырей и архиерейских кафедр. В XVI–XVII вв. государство неоднократно изымало денежные средства и хлеб у монастырей в экстремальных ситуациях (войны, голод). Однако, перелом в отношениях государства и Церкви в социально-экономической сфере произошел в процессе осуществления церковной реформы Петром I. 24 января 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ во главе с боярином И. А. Мусиным-Пушкиным. Отсутствие патриарха и усиление контроля за земельными и финансовыми богатствами архиерейских кафедр и монастырей позволили Петру I использовать церковные ресурсы для нужд армии и флота.

Изменения в жизни Церкви ученые изучали в общем контексте Петровских преобразований, а также как самостоятельную проблему, имеющую разные аспекты. В современной историографии существуют два основных направления: исследование экономического, хозяйственного аспекта реформы и ее идеологического, концептуального, мировоззренческого содержания. Однако до сих пор в исторической литературе не показаны истоки церковной реформы Петра I, недостаточно разработана её хронологическая динамика и предыстория этого крупного преобразования. Ещё менее разработаны её региональные аспекты и особенности, непосредственный механизм проведения преобразований на местах, взаимодействие центральных и местных институтов власти – гражданских, церковных, земских (общинного самоуправления).

Подчеркнем, что в 1693 и 1694 гг. Петр I совершил два путешествия на Белое море. Во время этих северных путешествий Петр I знакомился с местным населением, церковным бытом, купцами и людьми разных чинов. Предпосылки и начальные мероприятия церковной реформы Петра I были связаны с Русским Севером, епархиальными преобразованиями, взаимоотношениями духовной и местной светской власти и датируются серединой 1690-х гг. Изучение обширного документального комплекса приводит к важным источниковедческим наблюдениям. *Во-первых*, удалось выявить определенную совокупность документации, отразившую текущее делопроизводство *съезжих дворов монастырских дел* в Вологде, Устюге и Кириллове в 1701–1705 гг. Именно эти дворы, руководимые посланными из Монастырского приказа стольниками, следует считать «рабочими органами» по проведению начального этапа церковной реформы, её «приводными механизмами». К последним привлекались представители архиерейских и монастырских администраций, выборные лица общинных структур. *Во-вторых*, в ходе масштабной ревизии церковных учреждений разного уровня (архиерейских домов, монастырей, городских соборных и сельских приходских церквей) произошла «встреча старого и нового»: бояре, дьяки и стольники использовали опыт составления описей строений и имущества (официально закрепленных Стоглавом ещё в 1551 г.) и вместе с тем возникли новые «книги ведомостные», составленные как развёрнутые ответы на программные вопросы. Как известно, в XVIII–XIX вв. ведомости («книги ведомостные»)

станут наиболее распространённой разновидностью массовой документации в Российской империи.

В начале церковной реформы была поставлена цель точно выяснить объёмы церковных богатств, для чего и были проведены в сжатые сроки переписные работы. Осознание царем того, что Церковь владеет значительными земельно-промысловыми, денежными, людскими ресурсами и обсуждение этого вопроса со служащими приказа Большого дворца и своими соратниками укрепили реформатора в мысли использовать их в государственных интересах. Новизна проведения начального этапа церковной реформ состоит в том, *как* Петр I и Монастырский приказ воспользовались полученными результатами. Очевидно, что царь получил контроль над материальной составляющей епископской власти, а значит в его руках оказался инструмент влияния на непокорных ему архиереев. Начальный этап церковной реформы был сосредоточен на *социально-экономических* вопросах. Успешное введение контроля за церковной собственностью позволило в дальнейшем провести *административно-правовое* реформирование Церкви. Учреждение Св. Синода и принятие Духовного регламента в совокупности с предыдущими мероприятиями позволило сделать Русскую православную церковь органичной частью абсолютистского государства в России.

**О мемуарах пленного шведского офицера К. фон Руланда (Roland)
(тезисы)**

1. Пребывание тысяч шведских военнопленных офицеров во многих российских городах на протяжении Северной войны (1700–1721) породило десятки и десятки содержательных документов — дневников, записок, писем, мемуаров, — вышедших из-под пера шведов и немцев, подданных шведской короны, а также обширную научную литературу на шведском, немецком, финском языках. Эта тема на протяжении трех столетий настолько популярна (особенно в Швеции), что попытки учесть и осмыслить всю совокупность изданных (на языках оригиналов) источников и основанных на них трудах едва ли в обозримом будущем способны увенчаться успехом — главным образом из-за высокого языкового барьера. Переводов на русский сочинений, оставленных военнопленными, прискорбно мало.

2. В ушедшем году я задумал ввести в отечественный научный обиход содержательный источник, подготовив к изданию шведский текст (судьба подлинной рукописи неизвестна; в 1914 г. шведский исследователь С.Э. Бринг (Bring) опубликовал список с нее на языке оригинала) и перевод «Воспоминаний о плене в России и войнах Карла XII». Сочинение принадлежит лейтенанту (впоследствии майору) Карлу фон Руланду (1684–1761), 30 июня 1709 г. — на третий день после Полтавской битвы — разделившего судьбу всей изрядно обескровленной и уже небоеспособной королевской армией (свыше 16 тыс. чел.), сдавшейся А.Д. Меншикову в плен у местечка Переволочная при впадении Ворсклы в Днепр. Сто офицеров, среди них и К. Руланд, были доставлены в Москву, где царь, собрав плененную армию, 21 декабря провел ее через Первопрестольную, празднуя великий Полтавский триумф. Затем эту группу поселили в г. Галиче (ныне Костромская обл.). Оттуда швед бежал через Москву и Архангельск на иноземном торговом судне. Лишь спустя два с половиной года мытарств и приключений в разных странах и городах (итальянские Ливорно и Генуя, французский Марсель, немецкие Гамбург, Штральзунд, Любек, снова Гамбург; нидерландский Амстердам, датский плен в Норвегии, Копенгаген и опять побег, еще раз Любек, Данциг) и наконец в ноябре 1716 г., то есть спустя два года скитаний, беглец достиг Стокгольма).

3. Нашим отечественным историкам в «Воспоминаниях...», возможно, наиболее интересны впечатления их автора о соприкосновениях двух столь разных культур в московской и провинциальной жизни: о быте и нравах, об образе жизни россиян, общении пленных офицеров с местными жителями, а также о взаимоотношениях между пленными и представителями русской администрации. Как весьма важное и редкое обстоятельство надо учесть факт, что К. Руланд без видимых затруднений общался на русском языке, свободно владел также немецким — настолько, что мог при надобности выдавать себя за немца (под вымышленным именем).

Планы числа и распределения питейных заведений как способ регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в начале XX века

Проблема организации торговли алкогольной продукцией в Российской империи в конце XIX – начале XX в. отнюдь не обойдена вниманием исследователей. В многочисленных публикациях рассматривались разные аспекты этого вопроса. Однако имеются и отдельные «историографические лакуны». Одной из таких является вопрос об организации продажи спиртного в дворцовых городах Царском Селе, Петергофе и Гатчине в начале XX века.

Введение плановой системы организации торговли спиртными напитками в дворцовых городах началось летом 1903 г. Трехлетние планы фиксировали число и распределение казенных винных лавок, а также частных мест торговли алкоголем. При этом для части заведений с самого начала применялись особые условия и их число регулировалось вне общих нормативов; а в дальнейшем также состоялось несколько распоряжений, установивших новые послабления как общегосударственного, так и частного характера.

Введение плановых показателей как единственного и непреложного ориентира поставило барьер промежуточному увеличению числа заведений, подпадавших под регулирующие нормативы. При отклонении ходатайств о разрешении вести торговлю крепкими напитками, в дворцовых управлениях применяли формулировки «открытие подобного заведения в данной местности не предусмотрено планом» и «надобности в таком заведении не представляется», а число предпринимателей, получавших отказ, было сопоставимым с количеством торговцев, получивших разрешения. В отдельных случаях местная администрация выступала за строгое ограничение числа любых, даже подпадавших под льготные правила, торговых точек, продававших спиртные напитки. Наиболее последовательным в этом вопросе было Петергофское дворцовое управление, которое даже неоднократно вступало в противостояние с управляющим акцизными сборами. На формирование рассматриваемых планов пытались повлиять и Попечительства о народной трезвости, выступавшие за те или иные ограничения. Эти предложения раз за разом наталкивались на противодействие чиновников Управления акцизными сборами с одной стороны, и получали сдержанную поддержку Дворцовых управления с другой.

В условиях жесткого нормирования плановыми показателями, которые составляли по мнению представителей Акцизного управления необходимый минимум, а для руководителей Дворцовых управлений допустимый максимум, вносить какие-либо непредусмотренные изменения де-факто признавалось нецелесообразным. Поэтому даже при выявлении грубых нарушений питейные заведения, существовавшие в рамках плана, могли продолжать работу как минимум до окончания срока его действия.

Последними для дворцовых городов как территориальных образований, находившихся в ведении Министерства императорского двора, стали планы 1913–1915 гг. При этом фактическое действие этих документов завершилось на половине срока на рубеже июля–августа 1914 г., когда в связи с предстоящей войной начали вводиться ощутимые ограничения в сфере продажи спиртных напитков, за которыми последовало практически полное прекращение подобной предпринимательской деятельности на легальном уровне.

Из мемуарной и исторической литературы известно, что в перерывах во время военных действий в 1812 г. в России имели место встречи французских и российских военных, в частности М.А.Милорадовича и маршала Франции И.-Н.Мюрата, короля Неаполитанского, особенно это случалось во время стояния при Тарутине.¹ По времени это совпадало с миссией генерала Ж.-А. де Лористона в главную квартиру Кутузова. Этой встрече на аванпостах маршала Франции Иоахима Мюрата, этого «Байярда французской армии», и Михаила Андреевича Милорадовича, которого молва прозвала впоследствии воистину «российским Мюратором», и их беседе посвящен сюжет, опубликованный на страницах популярного тогда журнала «Сын Отечества».

Разговор был весьма популярен и в конце 1812 г., и позднее. Более того, он включался в разного рода популярные биографии Милорадовича, в том числе и в анонимное сочинение о «деяниях графа Милорадовича», где утверждалось, что этот разговор, завязавшийся у генерала «нечаянно» во время объезда аванпостов, а «разговор» приводится полностью по первичной журнальной публикации и предваряется ссылкой «Хотя разговор сей довольно известен уже в публике, но я не могу лишиться некоторых особ удовольствия повторить его здесь, почитая его не излишним».²

Разговор охотно переписывался³ и распространялся. Известно, например, что Петр Степанович Валуев, тогдашний начальник московского дворцового управления, послал список этого разговора своей сестре, фрейлине Маргарите Степановне Волковой, охарактеризовав его как «умный, колкий, без брани, вежливым манером как русский и патриот говорил дерзко».⁴

Позднее попал этот разговор даже в исторические труды, в том числе и французских авторов. Известный в свое время и плодовитый историк Жан-Батист Капфиг посвятил изложению части этого разговора во время «продолжительного свидания» Мюрата с Милорадовичем целую страницу в одном из томов своего сочинения о «Европе в эпоху Консульства и Империи Наполеона». Там он пишет и о том, что «между прочим и Милорадович с Мюратором имели возможность видеться всякий день ..., ибо оба они были храбрецы; тогда же наблюдалось нечто вроде приостановления военных действий, но столь кратковременное, что невозможно было предвидеть, что еще может произойти в течение последующих часов трех. Так что Мюратор и Милорадович заводили друг с другом разговоры как герои Илиады, которые откладывали в сторону свои щиты и доспехи, чтобы поговорить о победах

¹ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. Сост. Ф. А. Петров, А. К. Афанасьев, Л. И. Смирнова и др. М.: «Мысль». 1991. С. 195.

² Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича в Италии, Швейцарии, Турции, Германии, в достопамятную отечественную войну в России 1812 года, в Германии и Франции 1813, 1814 и 1815 годах с описанием частной, или домашней жизни и свойств сего знаменитого Полководца. В 3 частях. СПб: в тип. Департамента Внешней торговли. 1816. Ч. 2. С. 32-37.

³ См. список «Разговора Короля Неаполитанского с Сентября 28-го 1812-го года при дер. Тарутине» // Сборник разных сатирических и исторических произведений конца XVIII и начала XIX века // Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Собрание А.А.Титова. № 1656. Лл. 2-3об.

⁴ «К чести России»: Из частной переписки 1812 года. / Сост., автор предисл. и примеч. М. А. Бойцов. М.: «Современник», 1988. С. 155.

предков...».⁵ Все это и другие особенности опубликованного «разговора» вызывало предположение о том, что он был сочинен.

Это подтвердила находка в Отделе рукописей РНБ. Там была обнаружена рукопись «Précis de la conversation entre le Roi de Naples et le Général Miloradowitsch aux avant-postes des deux armées le 28 7bre 1812»,⁶ в точности запечатлевшая все особенности передачи текста и главное - содержание опубликованного русского варианта «разговора». Впоследствии был найден еще один «вариант» или список французского «разговора».

История с «разговором» прояснилась только после знакомства с воспоминаниями чиновника, который не только прикосновен, но являлся так сказать «возбудителем» этой интриги, который состоял в 1812 г. чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе, откомандированный к Ф.В.Ростопчину из Коллегии иностранных дел.⁷ Чиновник, находясь в воронцовском селе Андреевском, присутствовал при том, что хозяин рассказывал гостям о новостях из армии, в том числе об имевшей место встрече генералов противостоящих армий. Это оказалось достаточно, что чиновник то ли по-французски, то ли по-русски присочинил к рассказанному все остальное, а Ростопчин, выслушавши этот «разговор» посоветовал послать его в «Сын Отечества». А дальше молва разнесла его по всей России.

Как-то в беседе с Милорадовичем на каком-то званном обеде спросили генерала, верно ли передан в «Сыне Отечества» и в романе М.Н.Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) его разговор с неаполитанским королем. Михаил Андреевич, всегда предпочитавший выражать свои мысли по-французски, невозмутимо ответил: *A la lettre!* (слово в слово! – *С. И.*).⁸

Впрочем, давно хорошо известно, что легенда большей частью занятнее правдивой истории, и именно ей также большей частью отдавалось и отдается решительное предпочтение. И это несмотря на то, что печатные опровержения «разговоров» Милорадовича с Мюратом не сразу, но через некоторое время все-таки появились. Вслед за этим всякие упоминания о «разговоре», бывшем, якобы, осенью 1812 г. на аванпостах исчезают.

⁵ Capefigue J.-B. L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoléon. Paris: Pitois-Levrault et Co, 1840. Т. IX. p. 549.

⁶ РНБ. ОР. ф. 961. Фр. F.IV. 225. (Собрание французских рукописей). Лл. 1-2.

⁷ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., в тип. Военно-учебных заведений. 1844. Т. 46. № 181. С. 365-396.

⁸ Военский К. А. Свидания французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года (Историческая справка) // Военский К. А. Исторические статьи и очерки, относящиеся к 1812 году. СПб: Книгоиздательство «Сельского Вестника», 1912. С. 190.

Издание учебной литературы в Петербургской академии наук в 1734-1748 гг. и президент Академии наук И.А. Корф.

Проект об учреждении Академии наук 1724 г. обязывал академиков писать учебники на латинском языке, которые затем должны были переводиться на русский язык ее штатными переводчиками. Однако первые же учебники, заказанные ее профессорам, предназначались для Петра II и были опубликованы на немецком и французском языках. После подготовки нескольких учебных пособий для учеников Академической гимназии новый этап издания учебной литературы в Академии наук начался в середине 1730-х гг. Он был инициирован президентом И. А. Корфом (1734-1740), назначенным на должность в зените своего влияния при дворе Анны Иоанновны. Как удалось установить, в конце 1734 г. при Академии наук было принято решение «ввести во всех школах Российской империи одинаковые книги». После этого на протяжении более чем десятилетия учебники Академии наук выпускались на двух языках (немецком и русском), а в название нескольких учебников были введены слова «в пользу российского юношества». Эти учебники издавались и переиздавались четырьмя заводами (по 2400 экз) и до конца XVIII в. входили в круг основных учебных пособий в России. В конце 1740-х г. авторы учебников вернулись к адресации в названии ученикам Академической гимназии.

В 1735 г. Корф неоднократно входил в Кабинет с разнообразными предложениями, которые в короткие сроки находили поддержку. При нем Академия получила наук печать и разработала проект нового штата. В ожидании его утверждения Корф принял на службу по несколько внештатных переводчиков, учителей и художников. По-видимому, именно Корфу мы обязаны появлением тысяч рисунков предметов Кунсткамеры, «Плана императорского города С. Петербурга 1737 г.» с билингвальной расшифровкой. Корф начал программу по переизданию законодательных актов, в т.ч. «Генерального регламента» и «Соборного уложения» 1649 г. В Российского собрании последовательно проводились работы по установлению норм русского языка. Был подготовлен масштабный проект переустройства Академической гимназии, подразумевавший ее превращение в две отдельные школы (немецкую и латинскую) с разными задачами обучения, а также создание дворянской семинарии на 30 персон. Особым распоряжением Корф обязал сотрудников палат Академии наук посещать занятия по немецкому языку.

Поскольку личный архив президента Корфа не сохранился в Петербурге (в настоящее время делаются попытки разыскать его в АВПРИ и в Копенгагене, где он служил дипломатом после 1740 г.), свидетельства о деятельности президента Корфа приходится собирать по крупицам в СПбФ АРАН и РГАДА. Рассмотрение учебной литературы 1734-1748 гг. как единого билингвального комплекса позволяет поставить вопросы и о реальном значении этой деятельности, и о планах президента Корфа. Находясь, по-видимому, в идейном поле пиетистов Галле и Берлина, И.А. Корф направил свою энергию на развитие в России билингвальной (немецко-русской) культуры. И ее распространение мыслил чрезвычайно широко, издавая учебные книги для всего российского юношества. Символическими в этой связи выглядят его переговоры о продаже изданий и гравюр Академии наук «в Китай и в Сибирь».

Грекоязычные еврейские надписи из Афродисиады с точки зрения ономастики Тезисы

Джойс Рейнолдс, первой опубликовавшая две грекоязычных еврейских надписи из Афродисиады, столицы Карики, датировала тексты началом III в. до *Constitutio Antoniana* (212 г.)

Одним из основных датирующих критериев она считает отсутствие имени Аврелий в обоих списках имен. *Constitutio Antoniniana* 212 г. даровала практически всему населению империи римское гражданство и породила широкомасштабное распространение *nomen* императора Аврелий, часто в соединении с его *praenomen* Марк. Отсутствие этого имени, с точки зрения Рейнолдс, означает, что ее следует датировать или началом III в. или гораздо более поздним временем – концом IV или даже V в., когда подданные империи отказались от римской номенклатуры.

Однако Х. Ботерман поставила усомнилась в том, что имя Аврелий может служить датирующим критерием. Для того, чтобы показать, насколько ненадежной является датировка афродисиадской надписи, базирующаяся на отсутствии имени Аврелий, она сослалась на прецедент с датировкой надписей из Сард. Луи Робер датировал надписи из синагоги в Сардах периодом между 212 и 240—250 гг., ссылаясь на то, что некоторые люди, упомянутые в надписях, носили имя Аврелий, которое было популярным у двух поколений. Позднее выяснилось, что под мозаичными полами с надписями находились монеты IV в. и что, основываясь на датах монет, надписи следует относить к периоду между 340 и 380 гг. В 2005 г. Дж. Магнесс опубликовала исследование, показывающее, что синагогу в Сардах с большой долей вероятности следует датировать не IV в., а VI в.

В соответствии с указателем имен в I Aph 2007 имя Аврелий в надписях из Афродисиады встречается 157 раз, а женский вариант Аврелия 53 раза (при этом проект не закончен и около 200 надписей еще не введено в научный оборот). В переработанном варианте диссертации Ю. Бурцинау «Просопографии Афродисиады», выполненной под руководством Ханиотиса, в которой использовались и неопубликованные афродисиадские надписи, в индексе римских имен Аврелий встречается 182 раза, Аврелия – 71 раз. В I Aph 2007 только четыре надписи датируются III—IV в. (11.54, 15.345, 12.327, 8.258), одна I в. (1.118), два граффити I—VI в. (2.4, 8.11), надпись, резервирующая место на стадионе II—VI в. (10.3, см. также Roueché 1989, 179, Roueché PPA 45.3). Все остальные относятся к III в. и ко II—III вв. Однако при внимательном рассмотрении обоснования датировок появляются сомнения. Часть надписей датируется по характеру письма, часть по характеру письма и номенклатуре, часть по номенклатуре, иными словами по наличию в них имени Аврелий. Получается круговая аргументация: утверждается, что имя Аврелий в Афродисиаде встречается, главным образом, во II—III в. на основании надписей, которые датируются по наличию в них этого имени (например, I Aph 2007 5.214, где присутствие имени Аврелий предполагает дату после 212 г.). Но если имя Аврелий находится в надписях, нижняя граница которых датируется II в. (см., например I Aph 2007 9.118, 15.287, 15.7) или даже I в., то получается, что имя Аврелий могло присутствовать в надписях как до 212 г. так и после, что не позволяет рассматривать его отсутствие или наличие в качестве датирующего критерия.

Ангелос Ханиотис также предложил воспользоваться ономастическим материалом как датирующим признаком, но с противоположным результатом. С его точки зрения, большинство имен в одной из надписей или характерны, или появляются только в поздней античности. Он считает, что надпись следует датировать IV в. именно из-за специфики ее ономастики. Однако анализ ономастики показывает, что в ней встречаются как имена, популярные в поздней античности, так и имена, которые были характерны для раннего периода. В первой части надписи имя Ζήνων встречается 3 или, возможно, 4 раза, еще двое Зенонов упомянуты среди боящихся Бога (θεοσεβεῖς). Между II в. до н. э. и концом III в. н. э.

в Афродисиаде жил 131 Зенон. И только в одном случае две надписи, содержащие имя скульптора Зенона, достаточно надежно датируются IV в. (скорее всего первой половиной) (ALA 11, 12), одна надпись III-IV (8.258), одна I-IV (11.403) одно граффито III-V (8.94). Просмотр LGPN показывает, что имя Зенон очень редко встречается после III в. как в Карии, так и в остальном Средиземноморье.

Таким образом в одной и той же надписи у нас оказываются как имена, более популярные в поздней античности, так и имена, которые в это время вышли из моды, что, как представляется, делает датировку надписи по ономастике уязвимой.

Красное и черное: анализ состава сургучные печатей из собрания Н.П.Лихачева

В докладе изложены предварительные замечания по поводу особенностей изготовления западноевропейских прикладных печатей XVI - XIX вв. из красного и черного сургуча. Сургучным печатям традиционно уделялось меньше внимания, чем более ранним – вислым восковым и металлическим. Для изучения были отобраны 108 печатей XVI - начала XIX вв. из коллекции Н.П. Лихачева (1862-1936). Объекты исследовались под микроскопом, а также наблюдались в различных спектральных диапазонах. Наиболее выраженные результаты достигнуты применительно к черным сургучам. Под воздействием ультрафиолетового излучения некоторые образцы принимали красноватый оттенок, тогда как другие не меняли своей окраски. Это позволило выдвинуть гипотезу о существенной разнице в материалах для изготовления этих печатей. Анализ исторических рецептов изготовления сургуча показал, что в Европе с середины XVI в. бытовало два рецепта сургуча: в одном из них основным компонентом выступала смола, в другом – шеллак. На основании этого наблюдения была сформулирована гипотеза о том, что именно эта разница обуславливает различие в спектральном поведении материала. Для проверки гипотезы были изготовлены в соответствии с историческими рецептами экспериментальные образцы, которые продемонстрировали аналогичное поведение: в ультрафиолете образец из шеллака принял насыщенный темно-красный оттенок. Еще одним выводом эксперимента стало то, что образец из шеллака обладает значительно лучшей адгезией, чем смоляной. Это объясняет замечания авторов рецептов о несравненно более высоком качестве сургуча из шеллака. Кроме того, опытным путем было обнаружено, что шеллак намного удобнее в работе: он легче плавится и соединяется с пиментом, чем смола, а также почти не пахнет и не раздражает слизистые оболочки. При дальнейших наблюдениях выяснилось, что печати из черного сургуча имеют неоднородную структуру, незаметную при обследовании в видимом свете даже при значительном увеличении. Хотя под ультрафиолетом основная площадь поверхности некоторых печатей приобретает темно-красный цвет, некоторые сегменты сохраняют черную окраску. Исследование методом СЭМ-ЭДС показало микроскопические включения пигментов, содержащих ртуть и серу (предположительно киноварь) и серу и мышьяк (предположительно аурипигмент или реальгар). Однако их размеры слишком малы и не соответствуют площади темных сегментов. Исследования в инфракрасном свете позволили предположить, что эта неоднородность обусловлена основным материалом печати, а не распределением сажевого красителя⁹.

⁹ Выражаем благодарность компании Мелитэк за возможность проведения исследований методом СЭМ-ЭДС, а также Д.И.Веберу за информацию по немецким рецептам сургуча.

**«Избрание в крестьянские старосты
в Олонецком уезде второй половины XVII века»**

На протяжении XVII века учреждения государственной власти на Русском Севере сосуществовали с органами земской власти. Воеводы были наделены административными, судебно-полицейскими и финансовыми полномочиями. Однако при исполнении своих функций они опирались на выборных земских глав — старост, которые, играя роль чиновников низшего звена, были ответственны за сбор податей и суд на уровне волостей. Исследование посвящено институту земского самоуправления в одном из регионов Русского Севера — в Заонежских и Лопских погостах. С 1649 г. административным центром погостов, местом пребывания воевод и работы приказной избы стал Олонец. Основное внимание в работе уделено взаимодействию региональных и земских глав в период, когда истекли полномочия прежнего старосты и необходимо было организовать новые выборы (каждый год).

Исследование выполнено на основании документов Олонецкой воеводской избы, которые отложились в собрании СПбИИ РАН (Ф. 98). Материалы олонецкого делопроизводства представлены 12 тысячами сставов за 1649–1702 гг. Среди них отдельный комплекс составляют документы об избрании старост в волостях Олонецкого уезда. За 1650–1686 гг. в составе архивного фонда сохранилось 353 акта (Заонежские погосты — 325, Лопские погосты — 28), изучение которых позволяет раскрыть феномен сосуществования государственных и земских органов власти в регионе. Среди актов, посвященных проблеме смены земских властей, находятся наказные памяти, «выборы» (выборные акты), поручные записи и челобитные.

Процедура смены земских глав открывалась отпуском наказной памяти, которая шла от имени воеводы на имя действовавшего старосты и содержала повеление собрать жителей на сход и провести выборы. После избрания нового старосты составлялся акт, содержащий имена крестьян, «давших выбор», а также обязанности обеих сторон: а) избранного (в акте объявлялось о его обязанностях перед государственными властями и общиной); б) избирателей (в акте подчеркивалась их ответственность перед избранным). «Выбор» передавался в руки старосте с тем, чтобы он предъявил его воеводе, явившись в Олонец. Вручение старостой представителям региональной власти выборного акта и получение взамен его «наказов» о порядке сбора податей и проведении суда завершали процедуру смены главы земской власти.

Анализ олонецких документов показал, что описанная процедура часто не соблюдалась: в изученном комплексе не менее 55 актов (как правило, это наказные памяти) содержат требования воеводы провести выборы в оговоренный срок (до 1 сентября) и явиться новым старостам в Олонец. Исследование этих материалов позволило выяснить, что именно срыв сроков проведения выборов и предъявления документов об избрании являлись самыми распространенными нарушениями процедуры. Другим отступлением от правил было избрание прежнего старосты на новый срок. Правда, такое решение местной общины, по-видимому, всегда сопровождалось мирскими челобитными с просьбой к воеводе утвердить их выбор. К числу сложностей, с которыми сталкивались региональные главы, также следует отнести изменение границ старощений. Жители малонаселенных волостей совместно избирали старосту: при этом в ходе исследования выявлены казусы, когда среди общины не было согласия и часть дворовладельцев принимала участие в выборе одного старосты, а другая часть — другого. Это обстоятельство нарушало порядок сбора податей, так как старосты, ссылаясь на перечень имен их избирателей в «выборе», отказывались нести ответственность за платежи тех, кто в нем не был назван.

Исследование олонецких актов позволяет прийти к выводу, что во второй половине XVII века проведение выборов земских глав предполагало постоянное и действенное участие воеводы (в том числе с привлечением сил стрельцов для организации крестьянских

сходов). Выдвигая требования крестьянскому сообществу о соблюдении правил введения нового старосты в должность, воевода стремился обеспечить этим его подотчетность, прежде всего, в фискальных делах. Обобщая изученный материал, можно заключить, что крестьяне выбирали на должность нового человека неохотно и под давлением, а воевода, в свою очередь, вынужден был следить за ежегодной сменяемостью волостных глав, используя все доступные ресурсы.

д.и.н. Е.К. Пиотровская, ведущий научный сотрудник

Тезисы сообщения для отчетной конференции СПбИИ РАН

Размышления о культурно-исторических связях Востока и Северо-Запада в период коронавирусной изоляции весны-лета 2020 г.

Глубокоуважаемый Алексей Владимирович, члены Дирекции и Ученого совета, коллеги!

В ряду проблем, которыми я старалась заниматься по теме № 187 научно-исследовательской работы Института «Сохранение и изучение историко-культурного наследия», находится и сообщение «Размышления о культурно-исторических связях Востока и Северо-Запада в период коронавирусной изоляции весны-лета 2020 г.», которое хотела бы предложить. Тема сообщения оказалась связанной и с рецензией для издания «Христианский Восток», которая была написана на книгу BYZANTINOROSSICA. Свод византийских актовых свидетельств о Руси (византийские акты X-XIII вв) / Автор-составитель М.В. Бибииков. М. 2017.

В этом исследовании ученого собрания, заново переведены и прокомментированы уникальные материалы, свидетельствующие о русско-византийских связях (контактах): дипломатических, политических, церковных. Они отложились в архивах и монастырских библиотеках Св. Горы Афон. Многие материалы были известны русской и зарубежной науке уже в XVII – нач XX веков. Редкая возможность выпала немногим отечественным и зарубежным ученым работать с рукописным и церковно-художественным наследием Афонских обителей во второй половине XX – начале XXI вв. Именно там монашествующие на протяжении многих столетий вдохновенно трудились над переписыванием, переводами, переделками текстов Свято-отеческих памятников письменности, ее уставной и назидательной традиции. Именно там культуры восточных и славянских государств черпали идеи и образы для своих оригинальных и переводных сочинений, которые расширяли представления об образе мира Средневекового книжника.

Мне удалось в мае-августе 2020 г. увидеть, а в дальнейшем и больше узнать о некоторых святынях Северо-Запада, располагающихся на Карельском перешейке, осмыслить их связь с глубокими христианскими традициями. Особого внимания заслуживает многогранное наследие выдающегося архитектора Н.Н. Никонова, схимонаха Иннокентия (Сибирякова), закончившего свою жизнь на Афоне. В последние годы много делается усилиями наших современников (ученых, реставраторов, простых жителей и прихожан) для возрождения храмов и памяти жертвователей в пригородах Комарово и Зеленогорска, где мне вновь удалось спокойно понять невозможность прервать духовные и культурные связи обителей и мира.

Следует вспомнить и о М.Е. Сергеенко, которая хорошо знала эти окрестности, неоднократно посещала их еще до дней их возрождения. Именно М.Е. Сергеенко, чьи труды по истории Древнего мира остались в наследие последующим поколениям, была, как и многие современники, ее коллеги, а наши учителя, испытавшие лагерные мытарства и трагедию ленинградской блокады, той ниточкой связи между разными поколениями, чтобы не утратились чувства сострадания, любви к ближнему и бескорыстной помощи. Многие из нас получили при их жизни эту поддержку и чувствуют ее до сих пор.

Предполагается иконографическое сопровождение доклада

К истории международного права: имущественные права граждан локальных центров Италии XIV-XV вв. на чужой территории

Сообщение предполагает анализ регулирования имущественных правоотношений граждан и подданных различных центров Италии, чье имущество оказалось в пределах юрисдикции властной структуры другого города-государства. Исследование основано на подлинных, в основном не опубликованных материалах из архивов Санкт-Петербурга и Модены. Это сообщение предполагает попытку рассмотреть, что может дать **актовый материал** для решения такого вопроса: **как и насколько** были защищены права жителей **некоторых** североитальянских городов (Феррары, Кремоны, Падуи и Венеции), если их имущество находилось на чужой территории? Или если их имущественные интересы могли быть ограничены властными структурами другого итальянского центра.

1. Владения церкви. Как известно, границы североитальянских локальных центров часто не совпадали с границами церковных владений. Так, например, на территориях, подвластных маркизам Феррары, находились немалые земельные владения церкви Равенны. Территория феррарской округи, Феррарезе, включала также и собственность архиепископской курии, монастырей и церквей Равенны. Каким образом осуществлялось управление этим имуществом на чужой территории? Церковная собственность (другого диоцеза; церкви, или монастыря, относившихся к другому диоцезу) сохраняла свою принадлежность, находясь на чужой территории. Такое имущество приносило доход Церкви-землевладельцу путем передачи его на основаниях держания представителям местного населения – в эфитевзис, ливелл, или другой вид долгосрочного пользования. Права держателей основывались на договорах с землевладельцем, их защита была укреплена буллой Папы Бонифация 1391 г.

2. Вторая ситуация с защитой имущественных прав граждан, касается вопроса, каким образом обеспечивалось исполнение договора, если сторона, не выполнившая его условий, оказывалась на чужой территории? Актовый материал позволяет нам судить о существовании договоров между городами-государствами Северной Италии, позволявшими гражданину одного локального центра вчинить иск о возмещении ущерба на территории, находящейся в юрисдикции другого правителя.

3. Каким образом регулировались права тех, чья недвижимость оказывалась в пределах юрисдикции другого правителя, в условиях постоянных конфликтов, когда менялись границы, земли то и дело переходили из рук в руки? Венецианцы, феррарцы и др. были обладателями недвижимого имущества на чужой территории, права на которое сохранялось за ними, даже если это имущество вместе с территорией, на которой оно находилось, переходило под власть другого правителя. Как показало рассмотрение дожеских посланий, положение граждан Венеции на чужой территории становилось предметом дипломатической переписки. Фрагментарность материала мешает установить, создавался ли именно на этой основе определенный прецедент, но рассмотрение такого материала вносит свой вклад в изучение путей развития и становления международного права и международных отношений.

«Письма и бумаги императора Петра Великого» и русское общество:

реакция на публикацию петровского письменного наследия

Неоднозначное отношение к личности Петра I, как в XIX–XX веках, так и сейчас, вызывает необходимость изучения и осмысления событий конца XVII – первой четверти XVIII века. В год празднования 200-летнего юбилея со дня рождения Петра Великого, который в 1872 г. широко отмечался в Российской империи, среди прочих было предложение увековечить память о нем изданием принадлежащих его перу бумаг. Оно получило одобрение императора Александра II, реализовать идею было поручено Министерству народного просвещения.

Известие об издании «Писем и бумаг императора Петра Великого» обратило на себя внимание не только научного сообщества и владельцев подлинных писем и бумаг Петра I, но и людей, интересующихся историей, причем разных сословий. Комиссия нашла удачный ход – публикацию в периодической печати объявления с призывом ко всем, кто владел интересующими комиссию документами, предоставить их для копирования, и с обещаниями поблагодарить их за «просвещенное содействие патриотическому делу», и презентовать «именной экземпляр на память».

Выходившие в свет тома «Писем и бумаг...» непременно получали отклики на страницах периодической печати, большинство из них были положительными. Рецензенты отмечали важность опубликованных петровских бумаг, высоко оценили титанический труд публикаторов и удачное полиграфическое исполнение издания. Замечания и предложения касались некоторых деталей передачи документов и их расположения.

Однако, реализация проекта затянулась на десятилетия. Связано это было, в том числе и с тем, что внимание к проекту то угасало, то разгоралось вновь. Например, после революционных событий 1917 г. предпринимались неудачные попытки доказать важность и нужность продолжения публикации петровских документов, но они не встретили понимания в лице новой власти. Возобновить издание «Писем и бумаг...» смогли лишь в 1940-е годы. Тем не менее, тома выходили нерегулярно, и угроза остановки серии ощущалась в 1960–1970-е годы. Совместными усилиями историков удавалось избегать вмешательства в принципы издания или форсирования его к юбилейным датам.

Хотя издание было разорвано в исполнении событиями 1917 г. и растянулось теперь уже почти на 150 лет, но оно до сих пор является продолжающимся изданием, одним из немногих возобновленных в советское и незабытым в постсоветское время. Несмотря на некоторые различия, изданные тома являются единым целым; интересен опыт издательских стандартов при публикации исторических документов. Несмотря на изменения в общественном сознании, в общем прослеживается положительное отношение к историческому наследию, несмотря на ряд пережитых конъюнктур и давление власти.

Экспонирование западноевропейских памятников из собрания Н. П. Лихачева в МУП и ИКДП АН СССР.

А. С. Емельянов, единственный научный сотрудник Музея палеографии после его реорганизации в Музей книги документа и письма и ареста Н. П. Лихачева по «академическому делу», сообщал в мае 1930 г.: «Стержневая установка музея – история документа – в значительной мере определила и состав собраний. Особое значение было придано западноевропейской дипломатике» (СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 24. Л. 49). Если говорить только о рукописной части собрания (отбросив произведения печати, и памятники на твердом материале, то есть камень, глину, металл, кость и ткани), то западноевропейский материал составлял в коллекции Н. П. Лихачева, пожалуй, добрую треть. Идея представить в подлинных образцах, начиная с самых древних памятников 3–4 тыс. до н.э., историю документа, и шире – историю письма, безусловно, была связана с преподаванием в С.-Петербургском Археологическом институте, где с 1894 г. Н. П. Лихачев возглавлял единственную в России кафедру дипломатики и до 1925 г. читал лекции по дипломатике и сфрагистике. Западноевропейский материал имел в этом контексте «великой дипломатической выставки» особое значение как наиболее показательный с просветительской, экспозиционной и методологической точек зрения – как наиболее зрелищный, более доступный к приобретению и наиболее разработанный в рамках вспомогательных исторических дисциплин, которые почти все на момент рубежа XIX–XX вв. вот уже более двух столетий развивались в рамках палеографии и дипломатики.

Источниками наших сведений по экспонированию западноевропейского материала из собрания Н. П. Лихачева являются ежегодные отчеты Н. П. Лихачева в качестве директора МУП, черновики которых были найдены в собрании ЗЕС и РС НИА СФБИИ РАН, и составленные им описания, например, его «Записка о Музее палеографии» (СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 57). Так же это «Суммарное описание Палеографического кабинета при Ленинградском государственном университете» 1924 г. (СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–2об), которое практически без изменений, было воспроизведено в брошюре 1925 г. «Музей Палеографии АН СССР». Но наиболее значимым материалом для нас оказались две фотографии с интерьерами МУП 1924 или 1925 г. и фотографии выставочных витрин ИКДП (1934 г.) с разделом постоянной экспозиции, названном «Письмо и документ Западной Европы (эпоха феодализма)».

Даже после переименования в Музей в 1925 г. и усиления экспозиционной составляющей, Палеографический кабинет, по сути оставался именно кабинетом ученого, постепенно разросшимся на все три этажа. Памятники были разделены тематически и хранились в тех же помещениях, где располагалась соответствующая научная литература для работы с ними. Закрытое фондовое хранение совмещалось с открытым – в виде так наз. «показательных выставок», размещенных в напольных или настенных витринах. Западному материалу, судя по описаниям Н. П. Лихачева, было отдано примерно семь разделов музейной экспозиции. Однако благодаря возможности атрибутировать отдельные памятники по фотографиям (два восточных, два западных), мы можем судить, что эти разделы были совсем небольшие – буквально на три-четыре образца.

В ИКДП западноевропейские памятники находились в ведении Отдела документа. Отвечал за него погибший в блокаду С. А. Аннинский (1891–1942/43). По фотографиям ИКДП удалось атрибутировать 40 западноевропейских памятников в 4 запечатленных на фотографиях витринах. Анализ состава витрин показывает, что эта экспозиция отчасти воспроизводит разделы выставки МУП (пусть и с явным нарушением логики Лихачева), отчасти – отражает личные исследовательские интересы самого Аннинского коррелируя с его плановыми работами.

СОСТАВ ПАТРИАРШИХ СТОЛЬНИКОВ В 1619–1633 ГГ. (К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ДВОРЯНСТВУ)

В период правления патриарха Филарета (1619 – 1633 гг.) в составе государева двора выделился особый чин патриарших стольников, принадлежавших прежде всего к государеву, а не патриаршему двору. Данное обстоятельство связано с особым положением в государстве патриарха Филарета как царского отца.

Несмотря на свой относительно худородный состав, стольники патриарха Филарета отнюдь не были людьми случайными при Государевом дворе. В своем подавляющем большинстве они являлись выходцами из фамилий, представители которых в Смутное и послесмутное время начинали активно утверждаться в составе московского дворянства (почти 90 % фамилий, из которых происходили стольники Филарета).

Почти 2/3 фамилий, из которых происходили патриаршие стольники, имели своих представителей, сидевших в осаде на Москве в царствование Василия Шуйского. Показательно высказывание Нового летописца о политике государя-патриарха Филарета по отношению к дворянству: «И кои служаху государю и в безгосударное время, а быша не пожалованы, он же государь тех всех взыскал и пожалован и держаше у себя их в милости...». Именно в этой служилой среде, проявившей верность московскому трону в Смутное и послесмутное время, Филарет и искал опору царскому трону.